

**Формы использования специальных знаний
в уголовном судопроизводстве**

Аннотация: Рассматриваются формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве, описанные в юридической литературе.

Особое внимание уделено вопросам привлечения специалиста, исследуется его понятие, статус.

Даны предложения по изменению и дополнению уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: специальные знания; специалист; экспертиза; исследование; гипноз; полиграф; допустимость; сведущее лицо.

По поводу форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве в юридической литературе нет единого мнения, тогда как правильное представление о них дает возможность использовать их в соответствии с требованиями законодательства, обеспечивая цели и задачи уголовного процесса.

Справедливо указывает на это В.М. Махов, отмечая «...очевиден довольно широкий «разброс» мнений о таких формах. Есть авторы, утверждающие, что их всего две, три. Нет единства среди многочисленных авторов, считающих, что их больше.

Эти авторы обычно приводят довольно полный перечень форм использования специальных знаний, но без должной их классификации. Отмеченное происходит из-за недостаточного внимания исходным положениям таких классификаций. Внешние рамки всех этих форм ограничены целью, которой они все служат: оказание содействия следователю в полном, всестороннем, объективном расследовании по уголовному делу. Содержание

♦Рустамов Кямран Эльхан оглы – диссертант Центра судебных экспертиз Министерства Юстиции Азербайджанской Республики, член МОПИ (Азербайджан). E-mail: kamran39@rambler.ru

формы использования специальных знаний определяется конкретными целями и способами оказания содействия следователю. Совокупность названных признаков отличает формы друг от друга. В зависимости от признака, который положен в качестве основания для деления, может быть несколько разных классификаций форм использования специальных знаний. По признаку процессуальной регламентации все названные формы можно разделить на процессуальные и непроцессуальные» [14, с. 91].

Такого же мнения придерживается А. Р. Белкин, он разделяет процессуальные и непроцессуальные экспертные исследования [5, с. 76-77].

Т. В. Сахнова использует понятие «несудебная экспертиза» и отмечает, что фактически, суды применяют результаты несудебных экспертиз в своей практике, хотя их процессуальный статус нельзя отождествлять с заключением судебного эксперта [20, с. 51-52].

Ю.Г. Корухов в своей диссертационной работе отмечает, что проблема криминалистических исследований в административном, гражданском и арбитражном процессах возникла давно, и эти исследования используются не только в правоохранительных органах, но и в правоприменительных органах. Он замечает, что экспертиза может быть использована как в судопроизводстве, так и для несудебной сферы [10, с. 12-14].

В своей диссертационной работе П.Т. Скорченко указывает на актуальность разрешения проблем использования судебно-экспертных методик до возбуждения уголовного дела [21, с. 17-18].

Ю.П. Шуматов отмечает, что «...законодательство прямо предусматривает и регламентирует только две основные формы участия лиц, обладающих специальными познаниями, в стадии расследования по уголовному делу. Это назначение и производство судебных экспертиз и участие специалистов в следственных действиях. Кроме того, законодатель указывает, но не регламентирует в деталях контрольно справочную деятельность специалиста, осуществляемую по требованию следователя в частности, назначение и производство ревизий. В то же время теория и практика использования

специальных познаний по своим формам намного шире и разнообразнее» [23, с. 50].

Более близка нам точка зрения В.И. Шиканова, полагавшего, что уголовному судопроизводству известны восемь форм использования специальных познаний: а) непосредственное применение специальных знаний следователем, прокурором, составом суда, т.е. функционерами процессуальной деятельности, на кого возложена обязанность по собиранию и оценке судебных доказательств; б) использование специальных познаний сведущих лиц без привлечения их к участию в следственных действиях (консультации, получение различного рода справок по специальным вопросам); в) использование результатов несудебных (ведомственных, административных) расследований, а также результатов исследований отдельных объектов, проводившихся в процессе указанных расследований или при иных условиях (например, результаты патологоанатомического исследования трупа); г) использование специальных познаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций специалиста; д) использование специальных знаний сведущих лиц, призванных к выполнению процессуальных функций судебного эксперта; е) использование специальных познаний переводчиков и лиц, понимающих знаки немого или глухого; ж) назначение ревизий; з) производство по заданию следователя или суда технических или иных обследований [23, с. 25-26].

В.К. Лисиченко и В.В. Циркаль отмечают, что в классификации, предложенной В.И. Шикановым, смешаны «процессуальные формы применения специальных знаний с использованием данных, полученных из непроцессуальных источников [13, с. 11]. В этой связи В.М. Махов указывает, что нельзя согласиться с утверждениями о том, что «одной из наиболее важных процессуальных форм применения специальных знаний на предварительном следствии является непосредственное их использование следователем с целью выявления, фиксации и изучения фактических данных о событии преступления и лицах, которые его совершили, в процессуальном порядке производства

следственных действий, в соответствии со своими процессуальными функциями и требованиями закона о полном, всестороннем и объективном исследовании обстоятельств дела» [15, с. 11].

С приведенным утверждением непосредственно связана проблема назначения экспертизы до возбуждения уголовного дела.

Исследованию данной проблемы в уголовном процессе были посвящены работы многих ученых процессуалистов и криминалистов. К основным противникам разрешить производство экспертизы до возбуждения уголовного дела можно отнести В.М. Савицкого, В.Д. Арсеньева, В.И. Шиканова, И.Н. Сорокотягина. Р.С. Белкин отмечает дискуссионный характер вопроса о возможности назначения судебной экспертизы в стадии возбуждения уголовного дела, указывая, что стадия возбуждения уголовного дела не одномоментный акт, а процесс, деятельность, продолжительность которой, закон устанавливает в трое (а в исключительных случаях - до десяти) суток. Этот срок предоставлен органу, правомочному возбуждать уголовные дела, для установления достаточных данных, указывающих на признаки преступления [6, с. 168].

Р.С. Белкин обосновал свое мнение о возможности и необходимости в определенных случаях привлекать экспертов до возбуждения уголовного дела, ибо «без компетентного заключения сведущего лица (именно заключения, а не консультации, не оставляющей следа в уголовном деле) иногда невозможно решить вопрос о наличии оснований для возбуждения уголовного дела» [6, с. 169].

На наш взгляд, Р.С. Белкин прав, высказав следующую мысль: «Попытки подменить экспертизу неким «предварительным исследованием», дабы хоть чем-то обосновать решение о возбуждении уголовного дела, не только не решают проблемы, но и, наоборот, могут существенно осложнить её решение, повлечь за собой прямые нарушения законности» [6, с. 221].

По мнению А.Ф. Волынского в УПК неоправданно обозначена единственная организационно-правовая форма использования специальных

познании, результаты которой имеют самостоятельное доказательственное значение - экспертиза. Наряду с экспертизами экспертно-криминалистические подразделения проводят, так называемые, предварительные исследования. По данным А.Ф. Волынского соотношения количества экспертиз и исследований составляет 3 к 2, причем в большинстве случаев (82%) исследования предшествуют экспертизам по одним и тем же уголовным делам. Он отмечает, что это одна из острейших современных проблем российского судопроизводства. В связи с изложенным, А.Ф. Волынский обстоятельно рассматривает возможные варианты решения данной проблемы, и склоняется к узакониванию предварительных исследований [7, с. 111].

Е.Р. Россинская еще в 1987 г. писала о необходимости использования предварительных исследований и отнесения их к процессуальной форме использования специальных познаний [19, с. 15].

Некоторые ученые к процессуальным формам относят: привлечение специалиста к участию в следственных действиях и назначение, производство судебных экспертиз. По их мнению, непроцессуальные формы состоят из: ревизионной, аудиторской, консультативной, справочной, предварительной исследовательской деятельности, а также участия в оперативно-розыскных мероприятиях, следственных действиях сведущих лиц. Они считают, что непроцессуальные специальные познания не имеют доказательственного значения и используются как ориентирующая информация [25, с. 126].

К специалистам они относят сведущих лиц, вызываемых следователем (судом) для участия в следственных (судебных) действиях в целях содействия следователю (суду) в обнаружении и изъятии доказательств. Они отмечают, что специалист может проводить предварительные исследования, но не указывают, в каком документе специалист отражает вопросы, ход и результаты исследования [25, с. 130]. Таким образом, если специалист только помогает субъектам следственных (судебных) действий и дает пояснения, которые заносятся в процессуальную документальную форму, то он является участником процессуальной деятельности. Если же «специалист» выполняет

предварительное исследование, которое заканчивается выдачей непроцессуальной документальной формы, то тогда необходимо четко указать статус лица, подписывающего данный документ - сведущее лицо, а не специалист, т. к. статус специалиста это процессуальное понятие в данном случае [25, с. 132].

Авторы энциклопедии дают разъяснения понятию консультация сведущего лица. По их мнению, консультация, даваемая сведущим лицом, на основе его специальных знаний выражает его мнение по вопросу о действиях, подлежащих совершению в целях обнаружения, фиксации и изъятия доказательств и т. п. Консультации разделяют на устные и письменные [25, с. 133]. К сожалению, не дается разъяснения в каком виде представляется письменная консультация и статус лица, подписывающего документ. Так как письменная консультация не является процессуальной формой, то и лицо её подписавшее не может быть специалистом в процессуальном смысле, т. к. сведущее лицо не имеет статуса процессуальной категории [16, с. 28].

Под справочной деятельностью сведущего лица они понимают сообщение следователю (суду) входящих в содержание его специальных познаний сведений о закономерностях образования тех или иных объектов, их отличительных признаках, значении этих признаков, возможности существования тех или иных явлений, разрешающей способности того или иного вида судебной экспертизы и т. п. Однако, авторы не дают разъяснения в каком виде делается данное сообщение, в устном или письменном. Если справка сведущего лица оформляется в виде документированной информации, то тогда также возникает вопрос статуса лица, подписывающего этот документ.

Хотя специалист в процессуальном понимании этого слова может давать непроцессуальную информацию, однако, подписывать документ с такой информацией, где указан его статус «специалист» он не должен, т. к. это может ввести в заблуждение недостаточно квалифицированных лиц, потому что, в данном случае, он является специалистом в общеупотребительном смысле этого слова, а не в процессуальном.

Представляется, что на законодательном уровне необходимо четко разграничить функции и статус всех сведущих лиц, а также документы, которые они оформляют и подписывают, и, что более важно, ответственность этих лиц за дачу заведомо ложной документированной информации.

Р. С. Белкин предложил, чтобы эксперты государственных экспертных учреждений принимали присягу и давали подписку об ответственности за дачу заведомо ложного заключения [6, с. 222]. На наш взгляд, это значительно упростило бы оформление руководителем экспертного учреждения экспертного задания эксперту.

В зависимости от вида и целей деятельности дознавателя или следователя определяются формы использования специальных познаний. Для проверки поступившей информации о преступлении сотрудник соответствующего органа может применять собственные специальные познания, а также познания специалистов в форме консультаций, но глубокое и всестороннее применение специальных познаний возможно после возбуждения уголовного дела и назначения судебной экспертизы [1, с. 21].

Представляется, что успех раскрытия и расследования преступлений, как правило, обеспечивается сочетанием процессуальных и внепроцессуальных форм использования специальных познаний лиц, обладающих специальными познаниями.

Р.С. Белкин отмечал большую роль сведущих лиц в подготовке документов, являющихся поводом к возбуждению уголовного дела. Он указывал, что использование знаний сведущих лиц в стадии возбуждения уголовного дела не регламентировано уголовно-процессуальным законом, однако, обнаружение следов преступления при осмотре места происшествия начинается стадии возбуждения уголовного дела при активном участии сведущих лиц [6, с. 220].

В.И. Махов обращает внимание на то, что большим подспорьем в работе прокуратуры по надзору было бы привлечение специалистов из других ведомств и организаций. Но прокурорам при этом необходимо учитывать

следующее обстоятельство. Отвлечение от основной работы высококвалифицированных специалистов может создать реальные условия для нарушения правил по технике безопасности, технологии производства, другим существенным потерям. С такой ситуацией нельзя не считаться - пишет он [14, с. 75]. В.И. Махов предлагает использовать для этих целей специалистов экспертных учреждений после увеличения штатной численности, расширения их функций, возложенных на них обязанностей удовлетворять запросы прокуроров в специалистах [14, с. 76].

Развивая критические замечания по поводу приведенного В.И. Шикановым перечня форм, В.М. Махов предлагает более четко сгруппировать их в зависимости от степени регламентации уголовно-процессуальным законодательством. По этому признаку автор выделяет три группы форм использования знаний сведущих лиц.

К первой группе он относит формы, прямо предусмотренные законом, считая, что сведущие лица, к содействию которых прибегают следователи в этих случаях, наделены соответствующими правами и обязанностями. По мнению В.М. Махова, речь идет об использовании специальных знаний в следующих формах: производство судебных экспертиз, привлечение специалистов (в том числе педагогов) к участию в следственных действиях, участие переводчика в производстве по уголовному делу.

В.М. Махов считает, что «деятельность эксперта – исследование представленных следователем объектов в связи с вопросами, поставленными им с целью дачи на основании полученных результатов заключения, имеющего доказательственное значение.

Содержание деятельности специалиста – его участие в следственном действии с целью оказания содействия следователю в обнаружении, закреплении и изъятии доказательств» [14, с. 99].

В.М. Махов полагает, что участие педагога в допросе несовершеннолетних свидетелей и обвиняемых - не самостоятельная форма использования знаний сведущих лиц, а разновидность участия специалистов в следственных

действиях». Участие педагога в допросе действительно имеет целью способствовать обеспечению прав и законных интересов несовершеннолетних. Подобным образом участие и других специалистов в следственных действиях способствует не только полноте, но и объективности расследования, обеспечению прав обвиняемого. Право с разрешения следователя задавать вопросы допрашиваемому предоставлено не только педагогу, но и эксперту, участвующему в допросе, а другие специалисты не наделены этим правом лишь потому, что УПК не предусматривает их участия в допросах» [14, с. 100].

По мнению В. М. Махова, о том, что педагог – разновидность специалиста, свидетельствует следующее обстоятельство: в статьях о судебных издержках о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание и в других статьях, где названы эксперты, специалисты, переводчики, УПК не упоминает о педагоге [22, с. 210-211].

Что касается переводчика, то В.М. Махов считает, что переводчик как и специалист – сведущее лицо, однако он имеет отличие от специалиста; является самостоятельным субъектом, привлекаемым к расследованию. «Переводчик в отличие от специалиста оказывает помощь не только следователю, но и тем лицам, участвующим в деле, которым в случаях, установленных законом, предоставлено право пользования услугами переводчика. Однако, в конечном счете и этот аспект деятельности переводчика помогает следователю провести полное всестороннее и объективное расследование. Кроме того, переводчик наряду с участием в следственных действиях занимается переводом следственных документов, в частности, обвинительного заключения. В случаях, когда участие специалиста в следственном действии не обязательно, следователь, может сам выполнить определенные виды работ, не требующие обязательного участия специалиста: провести фотосъемку, составить схему. Переводчика же следователь заменить не может, даже если он владеет языками, необходимыми для перевода» [14, с. 37-38].

По утверждению В.М. Махова, «...использование знаний сведущих лиц в других формах не регламентировано уголовно-процессуальным

законодательством. Но согласно УПК доказательствами по уголовному делу являются любые фактические данные, установленные показаниями, протоколами следственных и судебных действий и иными документами. Следователю предоставлено право истребовать документы, в том числе и составляемые сведущими лицами. Значение для следствия таких документов порой трудно переоценить. Их подготовка осуществляется хотя за рамками уголовно-процессуальной деятельности, но в установленном порядке, иногда согласованном с правоохранительными органами. При соблюдении этого порядка документы, в том числе и составленные сведущими лицами, приобщенные к делу, приобретают значение доказательств. Все это дает основания причислить к процессуальным формы использования знаний сведущих лиц, содержанием которых является подготовка сведущими лицами или при их участии в порядке, установленном ведомственными (или межведомственными) правилами и инструкциями, документов. Цель подготовки таких документов: требование следователя или же правил, инструкций, обусловлено необходимостью приобщить их к уголовному делу (а в стадии возбуждения уголовного дела – к материалам проверки) в качестве доказательств, поскольку в них содержатся сведения, имеющие отношение к преступлению» [15, с. 101-102].

С учетом изложенного ко второй группе В.М. Махов относит, прежде всего, те формы, о которых упомянуто в законе, то есть:

- а) ревизию, назначаемую по требованию следователя;
- б) судебно-медицинское освидетельствование;
- в) медицинское освидетельствование для дачи заключения о направлении лица на принудительное лечение от алкоголизма;
- г) проводимые (при отсутствии постановления о производстве судебно-медицинской экспертизы) по мотивированному письменному поручению следователю судебно-медицинское исследование трупа и судебно-медицинское освидетельствование граждан для определения характера и тяжести телесных

повреждений, возраста и разрешения других вопросов, требующих познаний в области судебной медицины;

д) ревизии, из материалов которых видно, что в финансово-хозяйственной деятельности тех или иных лиц выявлены упущения, возможно, связанные с совершением преступления;

е) специальные ведомственные расследования несчастных случаев на производстве и аварий на транспорте, повлекших тяжкие последствия;

ж) ведомственные товароведческие экспертизы, по заключению которых выявлены признаки преступлений (в частности, выпуск недоброкачественной продукции);

з) специальные товароведческие экспертизы по оценке стоимости ущерба, причиненного в результате автодорожного происшествия транспортному средству;

и) другие внепроцессуальные действия, породившие документы, составленные с использованием специальных знаний, имеющие значение по расследуемому делу. Если в таких документах имеются сведения о совершенном преступлении, они должны быть направлены в правоохранительные органы для решения вопроса о возбуждении уголовного дела. Но и в ходе расследования уголовного дела следователь вправе и обязан истребовать их, если они своевременно не были представлены [15, с. 102-104].

К третьей группе А.М. Махов относит формы, связанные с истребованием следователем документов, содержащих справочные и другие сведения, имеющие отношение к делу, подготовленные с использованием знаний сведущих лиц, но не подменяющие заключений экспертов и других документов, составляемых в установленном порядке. В отличие от форм второй группы, документы третьей группы не содержат сведений о преступлении. В основном это справки разового характера, содержащие ответы на запросы следователя. Они могут, к примеру, удостоверить или разъяснить положения ведомственных приказов и инструкций, анализ которых требует специальных знаний. Документы этой группы можно разделить на те, которые составляются

специально по запросу следователя, и на те, которые были составлены ранее [15, с. 104-105].

Действительно, условно использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве можно определить как закрепленное в процессуальном законе (процессуальное) и непроцессуальное.

Мы считаем это деление условным, поскольку, с нашей точки зрения, все формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве должны найти отражение в уголовно-процессуальном законодательстве, что исключит их классификацию по данному основанию.

Не предусмотренных в законе форм использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве не должно быть, поскольку это ведет к их неоднозначному толкованию, по сути своей является пробелом в законодательстве.

Промежуточной целью использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве является доказывание, а окончательной законное, полное и справедливое разрешение уголовного дела.

Поэтому, в первую очередь, формы использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве мы соотносим с процессами доказывания – сбором, проверкой и оценкой доказательств. В системном отношении, это система наибольшего уровня. С нашей точки зрения, специальные знания используются для сбора доказательств путем производства различных процессуальных действий, их фиксации (сохранения), анализа, сопоставления и оценки на предмет относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

Другая классификация форм использования специальных знаний может быть произведена в зависимости от решаемых вопросов, н.п. для обеспечения мер процессуального принуждения, гражданского иска, возмещения расходов и т.д., а третья – по этапам уголовного судопроизводства: на стадии возбуждения уголовного дела, в ходе досудебного производства, на этапе судебного разбирательства и т.д.

Кроме того, формы использования специальных знаний подразделяются на непосредственные и опосредственные, настоящие и прошедшие, устные и письменные, основные и вспомогательные, однозначные и комплексные и т.п.

Представляется, что подобная классификация может длиться до бесконечности, но не иметь существенного значения в изоляции одной формы от другой. Поэтому, мы предлагаем закрепить в законе систему непосредственного или опосредственного использования специальных знаний при сборе, проверке и оценке доказательств. В криминалистическом аспекте, специальные знания могут быть использованы непосредственно (свои) или опосредственно (чужие) при сборе, проверке и оценке криминалистически значимой информации, опять-таки очерченной предметом доказывания по делу.

Определенную сложность представляет вопрос использования специальных знаний, происходящий из требований ст. 125.2.10 УПК, согласно которым недопустимо принятие в виде доказательств по уголовному делу сведений, документов и предметов, полученных в результате применения способов, противоречащих современным научным взглядом [22, с. 151-152].

Возможны возражения, что изложенное относится не к формам, а сути специальных знаний, однако это не так. Способ получения (использования) специальных знаний фактически является структурным элементом формы, основываясь на котором и производится классификация последней.

Не касаясь примитивных (допотопных) взглядов на сущность бытия и сознания (хотя и это еще под большим вопросом), повторим, что понятие «современные научные взгляды» является относительным и субъективным. Не столь давно, и дактилоскопия, происшедшая из хиромантии, считалась шарлатанством, однако дальнейшее развитие науки показало ее действенность и объективность.

Действительно, мерилom применения специальных знаний являются действительность, т.е. получение конкретных положительных результатов при достижении конкретных целей (раскрытие преступлений) и соответствие их

действительности. Естественно, что получение результатов должно быть оговорено определенными условиями (принципами).

Так, не секрет, что специальные правоохранительные службы многих стран мира активно используют в своей деятельности возможности т.н. экстрасенсов и добиваются поставленных целей, облакая в последующем проделанную работу в различные процессуальные формы – результаты оперативных разработок, работы с негласным аппаратом и т.п.

Использование специальных способностей законом не оговорено, но возможно они являются результатом наличия специальных навыков и знаний, объяснение которым наукой еще не дано. Что плохого, если подобный человек, сидя в кабинете, по фотокарточке изложит свое видение происшедших событий, а следователь перепроверит полученную информацию законными путями. Да и в законе не указано, что беседовать с экстрасенсами запрещено. Действительно, было бы смешно, если следователь представил выводы подобного лица в виде заключения специалиста, но никто, не запрещает ему использовать их для поиска криминалистически значимой информации.

Аналогичная ситуация сложилась в уголовном судопроизводстве с гипнозом и полиграфом.

Статья 15 УПК Азербайджанской Республики относит гипноз к жестокому, бесчеловечному, унижающему достоинство обращению. С нашей точки зрения, данное утверждение не соответствует действительности, и УПК в этой части подлежит корректировке.

В связи с возрастающим дефицитом достоверности информации, неоднократно предпринимались попытки решить проблему оснащения следственной практики новейшими методами получения полных и правдивых показаний свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых. К числу подобных нетрадиционных методов относится получивший распространение в ряде стран метод получения личностной информации после введения ее носителя в гипнотическое состояние.

В.А. Образцовым описан пример использования гипноза сотрудниками ФБР США 1997 году, в результате чего было раскрыто тяжкое преступление, после чего, гипноз в США стал популярным, ряд департаментов полиции создал пилотные программы обучения своих сотрудников технике гипноза [12, с. 312-316].

Специализированное подразделение ФБР, занимающееся расследованием особо важных дел, стало обращаться к гипнозу в тех случаях, когда материал по делу недостаточен для выдвижения следственных версий. Гипноз рассматривается как исключительная мера, требующая специалистов высочайшей квалификации и сложных исследовательских процедур. Обычно гипноз применяется по таким делам, как ограбления банков (с применением вооруженной силы и при больших размерах похищенного), киднэппинг, вымогательство, насильственные преступления, входящие в юрисдикцию ФБР, а также некоторые дела по «беловоротничковой» преступности [17, с. 277].

В США гипноз используется в основном при допросе свидетелей и потерпевших, давших добровольное согласие на применение этой процедуры и горячо заинтересованных в расследовании преступления. Гипноз, как правило, не используется при допросе подозреваемых и обвиняемых, поскольку показания указанных лиц (в том числе и признательные) не имеют силы согласно Пятой и Четырнадцатой Поправкам к Конституции Соединенных Штатов Америки [17, с. 316].

По методике, разработанной ФБР для проведения допроса с использованием гипноза необходимы: а) письменное согласие лица, подвергающегося допросу (такое согласие должно быть получено после проведения подробного инструктажа, в котором объясняются цели и задачи процедуры, ее безвредность для здоровья допрашиваемого, даются гарантии соблюдения конфиденциальности и использования полученных в ходе допроса сведений, исключительно по их прямому назначению); б) письменное разрешение Главного управления ФБР; в) письменное разрешение Генеральной

прокуратуры (подписанное помощником Генерального прокурора по уголовным делам) [17, с. 316].

В юридической литературе по вопросу возможности применения гипноза в уголовном судопроизводстве нет единой точки зрения. Ряд авторов категорически возражают против этого, ссылаясь на медицинские противопоказания и недопустимость использования в качестве доказательств показаний, полученных под гипнозом [11, с. 76-79]. К ним же, по справедливому замечанию Т.И. Ахмедова, примыкает малочисленная группа лиц, имеющая о гипнозе и взаимосвязанных с ним науках поверхностное представление и вследствие этого считающая, что при его применении допрашиваемый может быть подвергнут неправомерному насилию. Данная категория оппонентов гипноза не осведомлена о том, что гипноз как особое состояние сознания существуют, исследуется и успешно используется в мировой практической психологии и медицине уже несколько столетий, в связи с чем огульному неприятию не подлежит [3, с. 8-44].

Сторонники использования гипноза при расследовании преступлений считают его применение допустимым и целесообразным при следующих условиях: полное исключение вреда допрашиваемому; осознанная добровольность применения; использование сведений, полученных гипнозом в качестве ориентирующей информации для получения доказательств [12, с. 318].

Представляется, что дискуссия о возможности применения гипноза при расследовании преступлений правильно подытожена В.А. Образцовым. «Неуклонно, хотя и медленно, - пишет он, - «крадучись, с оглядкой, гипноз приближается к уголовному процессу, завоевывая все больше умов неугомонных ученых – криминалистов, проникая в практическую деятельность творчески активных сотрудников органов дознания и предварительного следствия.

Медленно потому, что все новое, прогрессивное в отечественной юридической сфере движется черепашьими шагами. Так уже повелось у нас исстари. И, конечно, крадучись. А как же иначе. Ведь дело тонкое, и

социальная среда агрессивная, взрывоопасная, как минное поле. Встань в полный рост, рвани вперед вдохновенным порывом, закричи на весь народ и – амба! Мигом похоронку организуют господа «доброжелатели» под улюлюканье уголовно-процессуальных доктринеров и прочих радетелей мнимого целомудрия отечественной Фемиды» [17, с. 278].

Изложенное позволяет утверждать, что категорический запрет гипноза не является выходом из положения. Исследования в этом направлении должны быть продолжены и при полном исключении вреда допрашиваемому гипноз следует включить в арсенал следователя как форма использования специальных знаний.

В УПК Азербайджанской Республики не говорится о запрете использования в уголовном судопроизводстве полиграфа, однако практика исключает его из арсенала органов, осуществляющих уголовный процесс по аналогии с гипнозом. Во всяком случае, в практике правоохранительных органов Азербайджана факты использования полиграфа не значатся.

Как известно, полиграфное устройство, называемое также «лай-детектором», «детектором лжи», «вариографом», «плетизмографом» и т.п., представляет собой многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций: дыхания, кровяного давления, биотоков (мозга, сердца, скелетной и гладкой мускулатуры и т.п.) Приборы этого вида широко используются в клинической медицине (особенно в реанимационных целях), в медико-биологических и психологических исследованиях, в прикладной психофизиологии, одним из частных разделов которой является детекция лжи.

Десятки лет полиграф применяется в практике борьбы с преступностью во многих странах американского континента, Европы и Азии. Так, в США, Канаде, Израиле, Венгрии, России и др. странах с помощью этого прибора собираются данные, позволяющие сузить круг заподозренных в совершении преступлений лиц, выявлять факт совершенного преступления, обстоятельства,

способствующие идентификации виновных лиц и созданию предпосылок для дачи ими правдивых показаний, выявлению неточностей, пробелов, обмана в показаниях, сборанию дополнительной информации.

Исследования, проведенные Американской ассоциацией операторов полиграфа, показали, что полученная с его помощью информация в 87-96% случаев эффективно используется по уголовным делам. Накопленный в течение десятилетий за рубежом опыт применения полиграфа в целях обнаружения у человека скрываемой информации привел к формированию системы принципов организации процедуры тестирования с помощью этого прибора.

Вместе с тем, применение полиграфа не допускается в Австрии и ФРГ, однако решение Федерального конституционного суда ФРГ от 18 августа 1981 года о запрете применения полиграфа активно оспаривается учеными, считающими, что запрет полиграфа ограничивает права обвиняемого на защиту [4, с. 38].

Проблема использования полиграфа в бывшем СССР имеет сложную историю. В начале 70-х годов экспериментальные работы в области использования полиграфа в судопроизводстве в СССР проводились лишь отдельными учеными и, по существу, в частном порядке. П.И.Гуляев, И.Е.Быховский, Г.Г.Андреев и М.Г.Любарский экспериментальным путем пришли к выводу о плодотворности идей полиграфа [2, с. 21-29; 8, с. 103-109].

Однако опыты П.И.Гуляева, И.Е.Быховского и других энтузиастов в правовой литературе были проигнорированы, а в процессуальной науке и криминалистике возобладала точка зрения Н.Н.Полянского, сформулированная им в монографии «Доказательства в иностранном уголовном процессе». Опираясь на отдельные примеры из практики применения полиграфа в США, он обосновал свой категорически отрицательный вывод следующими аргументами:

а) В основе всех попыток создать аппарат для проверки правдивости показаний лежит явно ошибочное представление о том, что отклонение физиологических реакций допрашиваемого от его индивидуальной нормы

«зависит от чувства страха, испытываемого им, когда ему задаются вопросы, на которые он не может ответить правдиво, не подвергая себя риску осуждения», поскольку физиологические реакции зависят не только от нервно-психологической конституции различных лиц, но и от меняющейся (например, с возрастом) индивидуальности одного и того же лица.

б) К числу факторов, влияющих на психофизиологическое состояние испытуемого, следует отнести и мировоззрение, что сторонниками полиграфа не учитывается.

в) Попытки проверки правдивости показаний с помощью аппаратов и инструментов ведут к подрыву одного из краеугольных камней демократического правосудия - принципа оценки доказательства по внутреннему убеждению, ибо оно связывается авторитетом науки, заключающей, говорит ли обвиняемый правду, или лжет.

г) Использование «разоблачителя лжи» нарушает принцип непосредственности, вводя «посредствующее звено там, где ничто не может заменить непосредственного восприятия судьи» [18, с. 68-76].

Вместе с тем, Р.С. Белкин допускал применение полиграфа при допросе при законодательном закреплении следующих положений:

а) Применение полиграфа допускается только с добровольного согласия допрашиваемого; отказ от испытания на полиграфе, равно как и предложение подвергнуться испытанию при отказе со стороны допрашиваемого не должны фиксироваться ни в одном процессуальном документе; отказ от испытания не может ни в какой форме толковаться во вред допрашиваемому.

б) Для участия в допросе разрешается привлекать специалиста – психолога, исполняющего функции оператора полиграфа в пределах обычной компетенции специалиста – участника следственного действия.

в) Результаты применения полиграфа не имеют доказательственного значения и используются следователем лишь как ориентирующая информация; доказательствами признаются лишь фактические данные, содержащиеся в

показаниях допрашиваемого. Материальные свидетельства применения полиграфа (ленты, записи) к делу не приобщаются [4, с. 55].

В юридической литературе предложены и иные варианты уголовно-процессуальной модели использования полиграфа при допросе. Так, В.И. Комиссаров считает, что в случае принятия решения (по своей инициативе или по просьбе допрашиваемого) о применении полиграфа следователь будет должен:

- пригласить защитника (если предполагается допросить подозреваемого или обвиняемого), педагога, переводчика (при допросе несовершеннолетнего, глухонемого и др.);

- установить психологический контакт с участниками допроса;

- разъяснить всем им содержание, условия, порядок производства следственного действия и особенности использования информации, получаемой при тестировании;

- удостовериться, что испытуемый понял следователя и разъяснить допрашиваемому его право отказаться от тестирования;

- получить в письменной форме согласие пройти тестирование на полиграфе;

- разъяснить права и обязанности всем участникам следственного действия, о чем делается отметка в протоколе допроса;

- предупредить оператора об уголовной ответственности за заведомо ложную расшифровку полиграммы, а возможно, и за разглашение тайны следствия;

- занести в протокол замечания и заявления участников процесса [8, с. 43-47].

Таким образом, можно сделать вывод, что наблюдаемые при использовании полиграфа проявления физического или морального состояния могут служить для следователя: а) указателем правильности его действий или, наоборот, сигналом о необходимости изменить направление действий или их тактику; б) ориентиром для выбора путей установления психологического

контакта с данным лицом как предпосылки успешности данного следственного действия; в) материалом для изучения психологических и иных особенностей участников процесса.

Резюмируя изложенное, можно сделать вывод, что в настоящее время накоплен достаточный эмпирический материал, позволяющий использовать полиграф в уголовном судопроизводстве без ущемления прав личности как одну из форм применения специальных знаний.

Библиография

1. Абасов А.М., Каралов З.Б., Лузгин И.М., Сулейманов Д.И. Криминалистические аспекты следственного эксперимента. Библиотечка криминалиста. Вып. 3, Баку, 1991.

2. Андреев Г.Г., Любарский М.Г. Вопросы контроля состояния человека инструментальным методом при производстве психологической экспертизы // Судебная экспертиза. Сборник проблемных научных работ, вып. 5, Л., 1977, с. 21-29.

3. Ахмедов Т.И. Практическая психотерапия: внушение, гипноз, медитация. Харьков, АСТ, 2003.

4. Белкин Р.С. Курс криминалистики. Том 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М., Юристъ, 1997.

5. Белкин Р.С. Теория доказывания. М., Норма, 1999.

6. Белкин Р.С. Курс криминалистики. М., Юнити, 2001.

7. Волынский А.Ф. Концептуальные основы технико-криминалистического обеспечения раскрытия и расследования преступлений. Дис... докт. юрид. наук. М., 1999.

8. Комиссаров В.И. Использование полиграфа в борьбе с преступностью// Законность. №11, 1995, с. 42-49.

9. Конституция Азербайджанской Республики. Баку, 1995.

10. Корухов Ю.Г. Организация и нормативное регулирование криминалистических исследований в деятельности правоохранительных и правоприменительных органов. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 1978.
11. Коновалова В.Е. Допрос: Тактика и психология. Харьков, Консум, 1999.
12. Кучинский В.А. Личность, свобода, право. М., 1978
13. Лукашева Е.А. Право, мораль, личность. М., 1986
14. Махов В.И. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., РУДН, 2000.
15. Махов В.И. Теория и практика использования знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. Дис. ... докт. юрид. наук, М., 1993.
16. Нестеров А.В. Некоторые соображения по поводу федерального закона РФ «Об участии в международном информационном обмене» // НТИ, Сер. 1, 1994, №3.
17. Образцов В.А. Выявление и обличение преступника. Юрист, М., 1997.
18. Полянский Н.Н. Доказательства в иностранном уголовном процессе. М., 1946.
19. Россинская Е.Р. Комплексные криминалистические экспертизы с применением рентгеновских методов исследования веществ и материалов. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1987.
20. Сахнова Т.В. Судебная экспертиза. М., Городец, 1999.
21. Скорченко П.Т. Проблемы технико-криминалистического обеспечения досудебного уголовного процесса. Дис. ... докт. юрид. наук. М., 2000.
22. Уголовно-процессуальный Кодекс Азербайджанской Республики. По состоянию на 10.01.2012, Ганун, Баку, 2012.
23. Шиканов В.М. Проблемы использования специальных познаний и научно-технических новшеств в уголовном судопроизводстве. Дис. ... д-ра юрид. наук, Иркутск. 1980.
24. Шуматов Ю.Т. Использование специальных познаний на предварительном следствии: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 1996.
25. Энциклопедия судебной экспертизы. М., Юрист, 1992.